

В месте попадания прочный сплав мгновенно испарился под воздействием колоссальной температуры, оставив дыру размером с чашку, края которой светились багровым расплавленным металлом. Вверх потянулись тонкие струйки сизого дыма, сопровождаемые едким запахом плавящегося металла.

Мощная отдача с силой ударила Бай Цун-аня в худое плечо. Он глухо вскрикнул, едва не выронив оружие, а всю руку пронзило онемение.

Все замерли. Включая самого Бай Цун-аня. Он ошарашенно смотрел на жуткую дыру в дверной раме, а затем перевел взгляд на всё ещё горячий пистолет в своих руках.

Он... он только что... нажал на курок? Нет... кажется, нет... его просто тряхнуло от неожиданного звука сирены... неужели случайный выстрел? Или...

Вой сирены становился всё ближе, и красные с синими отблески уже отчетливо плясали на лицах присутствующих.

В машине рука Наньгун Линя, лежавшая на оконном проеме, едва заметно дрогнула.

Звук двигателя патрульного автомобиля приблизился и с гулом стих в десяти метрах. Двери распахнулись, и двое полицейских в серебристо-серых мундирах быстро вышли наружу. Положив руки на энергетические дубинки, они настороженно оглядели место происшествия.

— Что здесь произошло? — старший из них поднял регистратор. Его взгляд скользнул по обмякшему на сиденье толстяку Лю и остановился на импульсном пистолете, из которого всё ещё вился дымок. Брови полицейского сурово сошлись на переносице. — Бросить оружие! Руки за голову!

Толстяк Лю, словно увидев спасителей, пополз к ним, захлебываясь слезами:

— Офицеры! Скорее арестуйте их! Они хотят меня убить! И машину мою изувечили!

Он указал на дымящуюся дыру в двери флаера, и в его голосе сквозила иступленная радость человека, чудом избежавшего гибели.

Рука Бай Цун-аня, сжимавшая пистолет, всё ещё мелко дрожала. Плечо ныло от удара отдачи, а в голове вертелись статьи законов: незаконное ношение оружия, нанесение телесных повреждений, сопротивление представителям власти — любая из этих провинностей тянула на тяжкое преступление.

Он инстинктивно попытался спрятать пистолет за спину, но едва его пальцы шевельнулись, как из машины донесся низкий голос Наньгун Линя:

— Чего ты всполошился?

Едва он закончил фразу, как водитель вышел из машины.

На его лацкане поблескивал серебряный значок в виде цветка сливы. Подойдя к полицейским, он вытащил черное удостоверение и на секунду задержал его перед объективом регистратора.

— Внутренние дела семьи Наньгун. Посторонним отойти.

Золотые узоры на документе вспыхнули в свете полицейских маячков, и лица стражей порядка мгновенно переменились.

Старший полицейский смотрел на удостоверение целых три секунды. Его кадык дернулся, прежняя настороженность испарилась, а голос стал подобострастным:

— Прошу прощения, господин из семьи Наньгун... Мы получили вызов от гражданина, сообщили о стрельбе, вот и приехали проверить.

— Недоразумение, — водитель убрал удостоверение. — Случайный выстрел.

Перемена в поведении полицейских была столь стремительной, что Бай Цун-ань едва успел её осознать.

Те самые люди, что секунду назад грозно приказывали бросить оружие, теперь, увидев золотую вязь на черном документе, сникли, будто петухи, которым перехватили горло. Они не только выключили регистраторы, но и начали заискивающе кланяться водителю и даже самой машине, в которой всё еще сидел Наньгун Линь.

— Оказывается, внутренние дела семьи Наньгун, прошу прощения за беспокойство, — лебезил старший. — Мы уезжаем. Нужно... нужно ли помочь с уборкой на месте? — он многозначительно покосился на обмякшего толстяка Лю.

— Не нужно, — холодно отрезал водитель. — Свободны.

— Да-да, конечно! Отбой, отбой! — полицейские, словно получив помилование, поспешно запрыгнули в патрульную машину, включили сирену и рванули прочь так, будто за ними гнались черти.

Красные и синие огни удалились, улица вновь погрузилась в тишину и полумрак. Лишь вокруг флаера висел тяжелый смрад и запах гари.

Бай Цун-ань всё ещё стоял, сжимая пистолет. Ноющая боль в плече и онемение в руке напоминали о том, что всё произошедшее — не сон.

Он смотрел вслед исчезающей патрульной машине, затем опустил взгляд на импульсный пистолет. В душе разливалось чувство абсурдности происходящего.

В этом мире так называемые правила и законы перед лицом абсолютной власти оказались до смешного хрупкими.

Толстяк Лю, видя, как последняя надежда ускользает прочь, застыл с гримасой ужаса на лице.

В этот момент стекло, которое до этого было лишь слегка приоткрыто, опустилось полностью.

Профиль Наньгун Линя открылся взору. В тусклом свете салона он казался высеченным из камня.

— Пистолет, — его голос был всё таким же ровным и лишенным эмоций, — держи крепче.

Бай Цун-ань машинально сжал рукоять.

— Испугался?

Бай Цун-ань хотел ответить нет, но предательская дрожь в руках выдала его с головой.

— В порядке, — стараясь придать голосу твердость, ответил он.

Он бросил взгляд на валявшегося в машине толстяка Лю и спросил:

— А с ним... что делать?

Водитель уже вернулся на свое место. Наньгун Линь не ответил прямо, а лишь задал встречный вопрос:

— Как тебя зовут?

Бай Цун-ань сглотнул:

— Бай Цун-ань.

— Бай Цун-ань, — повторил Наньгун Линь, и последние слоги его имени прозвучали в тесном салоне с едва уловимой интонацией, в которой невозможно было разобрать ни похвалы, ни осуждения.

Он поднял глаза на всё ещё дрожащую руку Бай Цун-аня, скользнул взглядом по покрасневшему от отдачи плечу:

— Даже пистолет в руках удержать не можешь, а решился пойти против такого альфы, как Лю Кунь?

Лю Кунь — так звали толстяка. Бай Цун-ань на мгновение замер, прежде чем понял, о чем говорит Наньгун Линь.

Он открыл было рот, чтобы объяснить, что не собирался нападать, что был загнан в угол и у него не оставалось выбора, но слова застряли в горле.

В мире, где омеги считаются слабыми существами, нуждающимися в защите альф, он — омега без связей и способностей — посмел поднять руку на альфу-змея и даже взял в руки оружие. Это и впрямь выглядело безумием.

Наньгун Линь, казалось, прочел его мысли. Уголки его губ едва заметно дрогнули, так быстро, что это могло показаться игрой света.

— Пистолет забирай себе.

Сказав это, Наньгун Линь кивнул водителю.

Видя, что они собираются уезжать, Бай Цун-ань инстинктивно окликнул их:

— Пойдите.

<http://bllate.org/book/19388/1896812>